

Метамодернизм как политическая парадигма

Константин ФЕОФАНОВ

Тема данной статьи сформулирована несколько претенциозно: и метамодернизм, и предшествующие и сосуществующие с ним модернизм и постмодернизм являются в большей степени философско-социокультурными, ценностно-мировоззренческими и этико-эстетическими, и пока только косвенно, поскольку детерминируют и формируют определённое политическое видение реальности, политическими парадигмами*.

Вместе с тем парадигматические представления человечества об основах общества выступают ценностно-нормативной основой политических процессов, действий политических акторов и институтов, формируя принципиальные отличия политических представлений и процессов различных эпох.

Подобно переходу от модерна к постмодерну в 50–60-е годы, формирование метамодернистских представлений происходит с конца 90-х годов и отражает кризис постмодернизма.

Но если философско-социокультурные основы модерна и постмодерна, а также их политическая составляющая детализированы в десятках тысяч исследований, то политическая парадигма метамодерна, за исключением работ нескольких теоретиков, ещё не получила широкого исследовательского внимания.

ФЕОФАНОВ Константин Анатольевич – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). *SPIN-код*: 5086-2934, *E-mail*: konstantin.feofanov@gmail.com

Ключевые слова: метамодернизм, постмодернизм, модернизм, постпостмодернизм, метамодернистский дискурс, метанарративы, постправда, модернизация, метамем, флуктуация идентичностей, бинарные оппозиции.

* Парадигма и смена парадигм – ключевые понятия в монографии Т. Куна «Структура научных революций» (1962) (Куна Т. Структура научных революций. Москва: Издательство АСТ, 2020. – 320 с.).

Философско-социокультурные основы модерна и постмодерна

Понятия «метамодерн» и «метамодернизм» связаны с цивилизационно-исторической парадигматической последовательностью (сменой эпох и способов понимания) «премодерн – модерн – постмодерн – метамодерн». Фактор цивилизационности детерминирует страновую специфику: архаичные общества даже в XXI в. находятся на стадии премодерна, а модерн и особенно постмодерн были первоначально характерны только для западных стран вследствие отставания в развитии незападных. И премодерн, и модерн, и постмодерн, и метамодерн – временные периоды и эпохи, культурные феномены и культурные парадигмы (А. Думитреску), культурная логика, структура чувства (Т. Вермюлен и Р. Ван ден Аккер), эпистема (Г. Дембер), метамем, набор символов, философия, стадия развития (Х. Фрейнахт), культурный код (Б. Андерсен, Х. Фрейнахт), перспектива мышления (Т. Бьёркман), исследовательская парадигма (Дж. Сторм), система обоснования (Г. Энрикес) и культурное мировоззрение (Р. Азарян)*.

Модернити выступает точкой отсчёта, главным сдвигом в человеческом развитии, в формировании видения действительности, образа жизни, мышления и ценностей, а все другие стадии формулируются

через выражение определённых отношений к модерну.

Премодерн – наиболее простая с точки зрения современных интерпретаций стадия развития – заключается в отсутствии, «ещё-не-развитости» ключевых характеристик модерна. «Божественная истина» античного и средневекового мировосприятия начиная с XVI в. уступает место иерархичности, правильности и рационализму протестантского капиталистического модерна, который в результате кризиса прежде представлявших незыблемыми традиций и истин в 1960-е годы сменяется постмодерном с характерной всеуничтожающей циничной иронией, «смертью» структуры, автора и субъекта (М. Фуко и Р. Барт), отказом от метанарративов**, цитатностью, интертекстуальностью, дискретностью и противоречивостью, релятивизмом, фрагментарностью, пародийностью, нелинейностью, низвержением «лицемерного согласия», деконструкцией любого подобия порядка, инверсией догм и смыслов, стиранием границ между любыми определённо-стями, структурами и институтами, множественностью несовместимых друг с другом нео- и постнаправлений, массовым (Х. Ортега-и-Гассет), одномерным (Г. Маркузе) и шизофреническим (Ж. Делёз) человеком и обществом.

* Мем – единица значимой для культуры информации. Метамем – мем о меме (Dempsey B.G. Metamodernism as a Worldview: Period? Episteme? Paradigm? Metameme? What is 'Metamodernism'? // URL: <https://brendangrahamdempsey.substack.com/p/chapter-6-worldview-from-metamodernism>).

** Также большие нарративы, метарассказы или великие повествования. Понятие введено в научный оборот в 1979 г. Ж.-Ф. Лиотаром в книге «Состояние постмодерна».

В политической сфере модерн как эпоха и модернизм как философско-социокультурная парадигма характеризовались централизацией государственного управления, расцветом империй, авторитарных и тоталитарных режимов, а постмодерн и постмодернизм – напротив, противостоянием государствам, децентрализацией власти, распадом империй и авторитарных режимов, социалистического блока и биполярного мира, низвежением авторитетов и «вечных» ценностей, критическим отношением к метанарративам в виде глобальных идеологий, плюрализмом идентичностей, усилением национальных, расовых, гендерных, антиглобалистских, экологических и других общественно-политических движений.

Характерные для модернизма и постмодернизма парадигматические представления не утрачивают актуальности и сегодня, по-преж-

нему, наряду с метамодернизмом, в различной степени выступая в качестве детерминирующих философско-социокультурных оснований общественного-политического развития. До 60-х годов преобладают модернистские подходы, они не исчезают, но уступают место постмодернистским в 1960–2000-е годы. Претерпевая кризис 90-х годов, постмодернизм уступает место многообразным постпостмодернистским направлениям – метамодернизму (Р. Ван ден Аккер и Т. Вермюлен), псевдо-, цифро- или диджи- (*digital* – цифровой)¹ (А. Кирби), гипер- (Ж. Липоветски)², авто- (Р. Самуэльс)³, альтермодернизму (Н. Буррио)⁴ и другим разновидностям нового модернизма (постпостмодернизма, среди которых возрастающую всемирную популярность, особенно после опубликования «Заметок о метамодернизме» и «Манифеста метамодерниста» в 2010–2011 гг.⁵, получает метамодернизм.

Философско-социокультурные основы метамодерна

Становление метамодернизма и других постпостмодернистских направлений было обусловлено кризисом постмодернизма. Постмодернизм сменяется отказом, уже в

90-е годы, от прежде востребованных объяснений западного общества стремлением уйти от непродуктивной иронии и цинизма, снова придать миру большую устойчивость на

¹ Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture. N.Y.; L.: Continuum, 2009. P. 1–2.

² Lipovetsky G., Charles S. Hypermodern Times / Transl. by Andrew Brown. Cambridge: Polity Press, 2005. – 150 p.

³ Samuels R. Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected, ed. T. McPherson. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 219.

⁴ Bourriaud N. Altermodern. L.: Tate Publishing, 2009. P. 12.

⁵ Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о метамодернизме // URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/>; Turner L. The Metamodernist Manifesto // URL: <https://luketurner.com/the-metamodernist-manifesto>

основе по-новому интерпретируемых модернистских метанарративов, оптимизма, доверия и искренности на новом этапе эволюции.

«Годы постмодернистского изобилия, имитации и паратаксиса закончились... Мы будем называть этот дискурс – осцилляция, раскачивание между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой – метамодернизмом... Великие повествования столь же необходимы, сколь и проблематичны»⁶. Как ни парадоксально, постмодернизм, как в своё время и модернизм, тоже многое упрощал в понимании своего «духа времени» и «структуры чувства» эпохи*.

И модернизм как вариант для энтузиазма, надежды, искренности и эмпатии, единства, цельности и ясности и постмодернизм как «антиобразец» для насмешки и меланхолии, осведомлённости и апатии, множества, расщепления и неоднозначности продолжают оставаться характеристиками современного метамодернистского понимания. Отход от постмодернизма в XXI в. не только не исключает, но и основывается на прежних «дискурсивных стратегиях, на ризоматичности, а не линейности, бессрочности, а не ограниченности... Если модернизм выражает себя через утопический синтаксис, а постмодерн выражает себя через безысходный паратаксис, метамодернизм, очевидно, выражает себя через атопический метаксис... если

модернизм предполагает временное упорядочение, а постмодерн подразумевает пространственный беспорядок, тогда метамодерн должен пониматься как пространство-время, которое одновременно ни в порядке, ни в беспорядке»⁷.

Происходит не только упрощение понимания за счёт отхода от неискренности и иронии убийственного ниспровержения, но и усложнение предыдущего опыта. Крайности метамодернизма, уход от цинизма и «иронического обыгрывания», возвращение к искренности, непосредственности, многословности и прямоте, экзистенциальным темам и неоромантизму неизбежно «отягощается» интеллектуальными достижениями постмодернизма, заставляя помнить о проблемах, раскачиваясь, «проскакивать» их, чтобы затем снова к ним возвращаться «в погоне за множеством несоизмеримых и ускользающих горизонтов»⁸.

Метамодернизм выступает «менее пессимистичной формой постмодернизма с присоединённым к ней гегелевским диалектическим оптимизмом... Каждый раз, когда энтузиазм метамодерна колеблется в сторону фанатизма, гравитация тянет его обратно к иронии; в тот момент, когда его ирония колеблется в сторону апатии, гравитация тянет его обратно к энтузиазму». Основанный на традициях модернизма и постмодернизма, но полностью

⁶ Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о метамодернизме.

⁷ Там же.

⁸ Turner L. The Metamodernist Manifesto.

* Понятия «духа времени», «духа эпохи» и «духа метамодернизма» (der Geist) вызывают реминисценцию их яркого классического применения (Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2025. С. 35-42).

не возвращающийся ни к тем ни к другим, метамодернизм перформатичен, нередко прибегая к предна-

меренному самообману, чтобы поверить во что-то вопреки всему и самому себе^{9, 10}.

Западный метамодерн и незападный метамодерн

Понимание в терминах «премодерн», «модерн», «постмодерн», «метамодерн» было характерно в первую очередь для европейских, прежде всего французских, исследователей. Новейшая дискуссия о метамодернизме также представляет собой изначально специфически европейскую, а затем всё более западную в целом тему. Формирование и развитие идей о постмодерне и постпостмодерне основано на традициях европейской философии и цивилизационно-историческом типе и уровне развития европейского и, шире, в целом западного общества.

В фундаментальных основах западных социокультурных процессов модерна, постмодерна и метамодерна – европейское Возрождение, Реформация и Просвещение, европейская, а затем и американская протестантская этика с последствиями в виде авангардной технологической, экономической и политической модернизации, – процессы, спустя сотни лет так и не пройденные или пройденные в искажённых и усечённых формах в большинстве незападных стран, обуславливающие их серьёзное отставание в развитии. На основе западных модернизационных успехов

в 60-е годы возникает постмодернизм как новая философско-социокультурная реальность, а в начале 90-х годов именно западные постмодернистские теоретики провозглашают торжество западной либеральной демократии и «конец истории»¹¹.

Исследователь метамодернизма Х. Фрейнахт (псевдоним пишущих в тандеме скандинавских исследователей Э. Эйнера Фрииса и Д. Гёрца) для пониимания специфики западного и незападного метамодернизма обращается к знаменитой «Всемирной культурной карте Инглхарта – Вельцеля», формулируя в отношении и западных, и незападных стран важную закономерность: «Даже если ценности стран со временем колеблются туда-сюда, общая тенденция очевидна: мы движемся к миру с более космополитическими ценностями; ценностями, которые, согласно собственному анализу Инглхарта – Вельцеля, лучше работают в современном обществе»¹².

Вместе с тем разноцивилизационный мир представляется многократно более насыщенным разнообразиями возможных метамодернистских подходов, чем «скандинавский европоцентризм» в виде «Зелёного со-

⁹ Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics. Book One (Metamodern Guides 1) (English Edition). Marburg: Böhnner-Verlag, Metamoderna, 2019. P. 15.

¹⁰ Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism. Pasadena, CA: The Davies Group Publishers, 2008. – 288 p.

¹¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Проблемы Восточной Европы. Нью-Йорк, 1989. № 27-28. С. 84-118.

¹² Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics.

циального либерализма» Х. Фрейнахта. Вопреки аргументам последнего, фундаментальным разграничителем по-прежнему выступает цивилизационно-конфессиональный, лежащий в основе модернизационной модели конкретной страны, а не какой бы то ни было другой критерий.

Страны протестантской, католической и православной Европы, Северной и Южной Америки продолжают принципиальным образом различаться с точки зрения особенностей и скорости модернизации, уровня и детерминирующего значения вложенных друг в друга модернистских, постмодернистских и метамодернистских метамемов¹³.

Вопрос о «нетитульном», неевропейском, незападном метамодерне пока не стал предметом детального научного рассмотрения. Конечно, и западными, и незападными исследователями осознаётся «уникальная специфичность» незападных стран. Однако в незападный метамодернистский дискурс западные идеи транслируются (практически транслитерируются) довольно некритично, без осуществления серьёзной страново-цивилизационной адаптации.

Стереотип о скорейшем желательном присоединении незападных стран к европейскому прогрессивному человечеству, к «Слушающему обществу» и «Зелёному социальному либерализму», в котором «индивидуальная психология и психология страны

будут созвучны», выглядит ещё более утопично даже по сравнению с «концом истории» и свидетельствует о непонимании цивилизационно-модернизационной специфики и «духа времени» за пределами западного мира. «Метамодернисты не знают границ, этика и ценности мироцентричны... есть общий образ мышления, где государство или регион не являются основными категориями общества, а скорее инструментами или железнодорожными станциями на более длительном пути исторического развития управления и человеческой самоорганизации... Преодолев групповые противоречия постмодернизма, человечество наконец-то объединится и реализует весь свой потенциал... Удачи в успешном скорейшем привлечении таких стран, как Саудовская Аравия и Иран, Индия и Пакистан, Китай и Россия, к прогрессивной программе в ближайшее время*». Многие незападные общества вследствие цивилизационной специфики модернизационных процессов пока ещё бесконечно далеки от «влияния вместо насилия, кооперации вместо абсолютной политической власти, добровольности вместо обязанности, горизонтальной модели сотрудничества вместо вертикали власти, отсутствия идеологии и ореола избранности политиков, поскольку политиком может быть каждый»¹⁴.

Вероятно, философско-социокультурные особенности незапад-

¹³ Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. 3-е изд., испр. и перераб. М.: Дашков и К°, 2021. С. 4.

¹⁴ Хохлова Д.Д. Переосмысление политики в контексте метамодерна // Политика и общество. 2017. № 10. С. 50.

* Имеется в виду программа культивирования общества более высокого уровня, «Слушающего общества» (Listening society), авангардом которой являются страны со «скандинавской» идеологией (Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics; Idem. Nordic Ideology: A Metamodern Guide to Politics. Book Two (Metamodern Guides 2) (English Edition). Marburg: Bьchner-Verlag, Metamoderna, 2019. – 495 p.).

ного модерна, постмодерна и метамодерна могут стать предметом более глубокого рассмотрения. Данное направление метамодернистского дискурса представляет особый интерес вследствие уникальной взаимной «вложенности» терминов из используемого понятийного каскада, незавершённости и новейшей актуальности каждого из них.

Страны могут существенно различаться спецификой «духа времени», «структурой чувства», «культурной логикой», этикой и эстетикой, наличием или отсутствием метанарративов, степенью демократичности и гуманистичности общества, отставанием одних от других. В одной и той же стране могут иметь место стадияльные и ценностно-мемные расслоения; в одно и то же время проживать социально-демографические группы, воплощающие в себе «различные действующие ценностные мемы, стадии и ценности определённого уровня общественного развития, такие как модернизм или постмодернизм, к которым человек тяготеет сильнее всего»¹⁵, в том числе «высокопродвинутые» интеллектуалы, рассуждающие о пост- и метамодернизме, и «премодернистские» крестьяне, мало чем отличающиеся от своих коллег 600–700 лет назад.

Данные стадияльные и ценностно-мемные расслоения обществ тесно связаны с цивилизационными особенностями модернизационных процессов, характером, критериями и страново-национальными моделями их успешности. Проблема частичного «перепрыгивания» незападных цивилизаций в западные «более продвинутые» «картины мира», несмотря на отставание в других аспектах модернизационного развития, требует отдельного, более детального изучения. Известным примером является «ранняя ингрессия» СССР, на основе «запаздывающе-догоняющей» модели модернизации, в ключевые симулякровые характеристики постмодерна. Это происходит уже в начале холодной войны, значительно раньше большинства западных и незападных стран с более успешной модернизацией¹⁶.

Специфическая в различных незападных странах автономия постмодерна и метамодерна от успехов и проблем модернизации обусловлена феноменом гиперреальности, искажающим в общественном сознании прежние классически-модернистские, морфологически (по составу и уровням) более простые модернизационные процессы.

Политические парадигмы модернизма и постмодернизма

Философско-социокультурный «дух времени» и «структура чувства» являются отражением и следствием и одновременно детерминан-

той и причиной развития обществ. Это устойчивая объясняющая конструкция, одна из ключевых обществоведческих объясняющих кон-

¹⁵ Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics.

¹⁶ Феоданов К.А. Цивилизационная теория модернизации. С. 111, 134–151.

струкций, возможно, не менее значимая, чем классификация стадий развития обществ (традиционное – индустриальное – постиндустриальное), парадигмы общественно-экономических формаций в марксизме, классификации цивилизаций при цивилизационном подходе и т. п.

Модерн, постмодерн и метамодерн непосредственно и однозначно не связаны с политическими доктринами, парадигмами и концепциями, но детерминируют и формируют их. Политические метанарративы модерна – крупные учения и теории, национальные идеи, идеологии и идентификации, а также их навязанное обществам иллюзорное восприятие и политическое доминирование – идеи свободы и прогресса, гуманизма и социализма, расизма, фашизма и нацизма и множества других человеколюбивых и человеконенавистнических, прекрасных и отвратительных «измов». Вызвавшие тотальное разочарование после Первой и особенно после Второй мировых войн различные политические метанарративы принимались на вооружение левыми, правыми и центристами, консерваторами и либералами, демократами и авторитаристами для достижения и осуществления власти. Мировые войны послужили «прививками» против метанарративов, на десятилетия выработав необходимый политический иммунитет.

К 60-м годам возникло понимание «неуправляемого возрастания сложности»¹⁷ обществ, невозможности их описания посредством универсальных метанарративов. Ни «объектив-

ная истина», ни «единственно верное учение в западных странах» более не признаются возможными. Авторы метанарративов умирают, идеологи и политические партии делегитимизируются, анонимизируются, авторитеты и «авторитаристы», вступившие в постмодерн, более не определяют общественное сознание и мнение широких, когда-то податливых к метанаррациям масс. Авторитарные и тоталитарные режимы в странах постмодерна более невозможны, фигура «модернистского вождя» больше не вызывает в западном политическом пространстве. Однако модернистские метанарративы продолжают ещё четверть века оставаться господствующей политической детерминантой в странах социалистического лагеря и некоторых государствах Латинской Америки, Евразии и Африки, что обусловлено в первую очередь неразвитостью индустриального и постиндустриального трендов в модернизационном развитии этих стран. В странах, далёких от «духа постмодернизма», метанарративный (прежде всего идеологический) способ легитимации политических режимов продолжает успешно применяться левыми и правыми популистами. Для незападных цивилизаций, не усвоивших уроки кризиса модернистских метанарративов, неспособность к постмодернистской деконструкции на основе недоверия к «харизматикам» и институтам, выступает точкой бифуркации, «развилкой» в развитии, детерминируя политические режимы и процессы, политическую культуру участия и неучастия населения, «ги-

¹⁷ Высказывание Ж.-Ф. Лиотара (цит. по: Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 5).

бренность» авторитарных тенденций и масштабы вполне постмодернист-

ской гиперискажающей медиатизации политики.

Политическая парадигма метамодернизма

Подобно модернизму и постмодернизму метамодернизм не является политическим по своей природе, но оказывает детерминирующее влияние на политические процессы в обществах, в которых получает широкое распространение.

К концу XX в. метамодерн «реанимирует» продолжение истории после её постмодернистской «смерти», актуализирует политико-исторические противоречия, связанные со «структурой чувства» по поводу кризиса и трансформации неолиберализма. «Противостояние властям, сетевые общественные движения протеста против экономического неравенства и нарушения демократических свобод, подъём правых популистских движений в Европе и США, спровоцированный иммиграционными проблемами, антиисламскими настроениями и риторикой сохранения национальных идентичностей... реанимирование понятия класса, которое объявлялось постмодерном неактуальным, и, соответственно, проблематики классовой борьбы»¹⁸ – таков новый этап «духа времени», к которому привели противоречия постмодерна с характерным для него тотальным отрицанием и низвержением.

Осцилляция между крайностями, потенциально возможными левыми и правыми поворотами, либеральной

демократией и государственным авторитаризмом, заложенными в интригу исторического процесса, не позволяет привязываться к прогнозированию и осуществлению какого-либо одного из альтернативных вариантов, создавая фундаментальную неопределённость, подвешенность будущего развития. Для метамодернизационного проекта, в который вступило человечество, также характерна возможность внезапной смены любых наблюдаемых политических тенденций на противоположные, неиспользование колебаний как потенциального фактора баланса, гармонии и диалектического единства в результате борьбы и синтеза противоположностей, а также возможность очередных поворотов к авторитаризму и тоталитаризму.

Естественным состоянием являются колебания, политики становятся свободными от «идейной наивности модернизма... движение вперёд – это колебания между противоположными идеями... незавершённость системы предопределяет необходимость приверженности ей, но скорее ради процесса, чем результата... знание обогатится, если взяться за задачу так, будто её можно решить... на основе возможности разыгрывания множества позиций... сегодня мы ностальгисты в той же мере, что и футуристы»¹⁹.

¹⁸ Поляков Д.Б. Политическое измерение метамодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2. С. 59-60.

¹⁹ Turner L. The Metamodernist Manifesto.

На политическом уровне это означает отсутствие стремления к общественно-политическим, в том числе нравственным идеалам и пренебрежение ими, нерегулируемость ценностными, нравственными, идеологическими и партийными ограничениями. Непривязанность ни к объективному, ни к логически обоснованному или сбалансированному пониманию, депрофессионализация политики и политической науки, деинтеллектуализация и деградация общественно-политической и управленческой деятельности, процветание популизма и политической демагогии, высокие возможности искренне проталкивать нужные властвующим элитам гиперреализационные ценности и интерпретации в «инкапсулированных» реальностях. Прежние знания остаются за рамками происходящих сегодня про-

цессов, всегда рассматриваются заново и по-другому.

В отличие от постмодернизма метамодернизм не отказывается от «возвращения к истокам и нормам», от веры в скрытые, но достижимые истины, возвращающиеся на новом уровне в новых исторических условиях на основе «всей информации, независимо от её истинной ценности» и «прагматичного романтизма, не стеснённого идеологической привязкой»²⁰. Осуществляя преемственность с постмодернизмом, метамодернизм выносит за скобки сомнительные достижения «искажённой» цивилизации²¹, не создавшей действительных механизмов сосуществования, вынужденно откатываясь назад и принимая в качестве «лучшей» «структуры чувства» эпистемически произвольные и нравственно-стохастические элементы модернистских и премодернистских обществ.

Восприятие политики как отражение «духа метамодернизма»

Восприятие политики – соперничающих за статусы и ресурсы власти политических акторов и групп, их ценностей и идеологий, норм и способов осуществления власти, ролей, установок, действий и взаимодействий, событий и процессов – через «оптику» метамодернизма имеет несколько особенностей.

Во-первых, метамодернистский компромисс между модернизмом и постмодернизмом приводит к тому, что в деятельности политических ак-

торов и групп принципы и того и другого не фигурируют в первозданном, чистом виде. Время больших нарративов и национализма модерна прошло, но возвращение к «старым» идеологиям и национальным идеям на новом уровне тем не менее возможно. Время неконструктивной иронии постмодерна тоже уже почти осталось в предыдущем столетии, но неверие в человека и возможность его улучшения, ощущение бесполезности поиска объективной истины

²⁰ Turner L. The Metamodernist Manifesto.

²¹ Феофанов К.А. Гиперреалистические смещения – детерминанты искажённой цивилизации // Обозреватель–Observer. 2024. № 1(402). С. 15–28.

заставляют, несмотря ни на что, действовать, искренне и мотивированно осуществляя практически обоснованные и выгодные усилия и шаги. Не признаются ни «наивные» модернистские метанарративы, ни циничная постмодернистская ирония, но можно балансировать между тем и другим и выстраивать intersубъективные месседжи и нарративы «собственной», «субъективной» постправды «по интересам», основываясь на восприятии, ценностях и установках индивидов и групп. Никакие тенденции не очевидны и в любой момент могут перейти в противоположные, их можно «подвешивать» и, не дожидаясь достижения гармонии «диалектического синтеза», управлять посредством влияния, сопровождая общественные процессы по реализации национальных и групповых интересов в таких системах бессодержательным, но эмоционально насыщенным, тематически и интерпретационно «колеблющимся» многословием.

Во-вторых, не рассчитывая, по итогам неудачного опыта предыдущих поколений политиков-модернистов и постмодернистов, вообще ни на какой удачный исход, новейшие метамодернистски-инспирированные политические акторы действуют посредством практической реализации политического взаимодействия через различные формы влияния, а не (демистифицированной) абсолютной власти²². Они ввязываются в переговоры и субъективно представляющиеся наиболее перспективными форматы международных и внутриполитических отношений, выстраивая политические

диалоги и на ходу адаптируя их к возникающим и меняющимся обстоятельствам. Не разрешая базовой проблемы взаимодействия и противостояния, содержащейся в основе конфликта, «дух метамодернизма», действующий через политических акторов, умудряется практически нащупывать точки потенциального пересечения и совпадения противоборствующих сторон и далее двигаться к улучшению ситуации, отталкиваясь от этих реперных точек отсчёта, постепенно соединяемых в границы зарождающихся оснований для новой системы политического взаимодействия.

Отдалённость друг от друга и степень конфликтности первоначальных позиций акторов, участвующих в диалоге, при таком подходе отступает на второй план, предоставляя новые возможности, несмотря на неразрешённость базовых противоречий. В метамодернистской картине политических процессов противоречия совсем не обязательно разрешать, интересы и позиции акторов находятся в непримиримом противостоянии, но это не повод отказываться от взаимодействия и сотрудничества.

В-третьих, для метамодернистской «оптики» характерны флуктуации (случайные отклонения) разделяемых и принимаемых политическими акторами идентичностей. В отличие от чёткости постмодернистских идентификаций политиков, необходимой для противостояния по линии «свой – чужой», метамодернистские самоидентификации не отличаются постоянством и определённой принадлежностью к

²² Хохлова Д.Д. Переосмысление политики в контексте метамодерна. С. 54.

социально-демографическим категориям может многократно, в течение непродолжительного времени усиливаться или ослабевать, так и контекстуальные определения принадлежности могут «подвешенным» и «супергибридным» образом меняться.

Конфликтовать по отдельным вопросам, но затем солидаризироваться по общим, потом снова сталкиваться уже по другим определениям ситуации, но снова сходить в групповых и кластерно-субгрупповых идентификациях. Происходит «переживание множественности субъективностей», «отвержение или постоянное ослабление идентификаций», «изменение субъективных позиций по мере необходимости, с эмоциональной и логистической точки зрения, временное отстранение от определённых субъективностей, чтобы сотрудничать с другими или создавать совершенно новые субъективности, которые имеют большее значение, чем общепринятые категории различий, в настоящее время доминирующие в общественном дискурсе»²³. Механизмы метамодернистского «размывания идентичностей» в «частных», «автономных», «идиосинкратических» псевдореальностях²⁴ затрагивают не только лично и идентификационно незрелых подростков, но и политических акторов всех уровней, включая руководителей государств.

В-четвёртых, метамодернизм отменяет постмодернистский мультикультурализм, заменяя его транскультурализмом. На волне метамодернистского правого популизма в различных странах также постепенно меняется политическое восприятие мультикультурализма. «Проблема мультикультурализма в том, что он не определяет, какие виды разнообразия, в каких количествах и при каких обстоятельствах хороши, разнообразие хорошо само по себе и воспринимается как догма... Что оставляет поле открытым для всех видов дисфункциональных социальных и культурных практик, которые должны быть защищены во имя этнического или культурного разнообразия... метамодернизм изначально не является парадигмой правых или левых, но может и неизбежно будет формировать повестки дня и тех и других»^{*}.

Возвращение к отдельным метанарративам, национальным идентичностям, национализму, романтизму, идеям и мифам о силе, величии, достоинстве и власти, оглядка назад, в модерн и даже премодерн, чтобы «заново увидеть будущее, которое уже скрылось из виду»²⁵, обещает человечеству совершенно иную перспективу развития, чем постмодернизм. Национализм нации-государства как «воображаемого сообщества», «самого интенсив-

²³ Abramson S. Ten Basic Principles of Metamodernism // URL: https://www.huffpost.com/entry/ten-key-principles-in-met_b_7143202

²⁴ Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель–Observer. 2023. № 2(397). С. 46–47.

²⁵ Вермолен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о Метамодернизме.

^{*} Убедительный анализ «изъянов» мультикультурализма приводится в статье Х. Фрейнахта (Freinacht H. Exit Multiculturalism, Enter Trans-Culturalism // Metamoderna // URL: <https://metamoderna.org/exit-multiculturalism-enter-trans-culturalism>).

ного ценностного представления, граничащего с квазирелигиозной верой»²⁶, обретает новое развитие в условиях всё более упрочивающейся политической парадигмы метамодернизма.

В-пятых, возникает постепенное переосмысление бинарных и билатеральных оппозиций, отказ от схематизма прежнего понимания противоречий и противостояний. При рассмотрении данной метамодернистской идеи речь может идти о мировоззренческом и политическом пересмотре ранее господствовавших бинарных оппозиционных отношений, наиболее типичными из которых являются политические примеры из прошлого и настоящего: СССР и США, Израиль и арабские государства, сунниты и шииты, Запад и Восток²⁷, внутренняя и внешняя политика, власть и оппозиция, свои и чужие, хорошие и плохие, герои и злодеи, левые и правые, либералы и этатисты, центр и периферия, а также добро и зло, правильное и неправильное,

нравственное и безнравственное, эффективное и неэффективное, стабильное и нестабильное, полезное и бесполезное, справедливое и несправедливое, мир и война и т. д.

Поскольку бинарное восприятие изначально психически и гносеологически свойственно человеку, то данные оппозиции, даже в условиях «духа метамодернизма», не могут быть устранены окончательно, хотя и претерпевают всё более ощутимую трансформацию в направлении одновременного существования и политического сосуществования. Факторами метамодернистской осцилляции по-прежнему выступают модернистские метанарративы, детерминирующие конфликтующие самоидентификации.

Метамодернистским решением может служить «постепенный отказ от метанарратива или сужение его как такового... Тогда появляется полиморфный контекст, задающий пространство идентификации»²⁸, позволяющий выходить за рамки имеющихся противоречий.

Политический псевдооптимизм метамодерна

Трагедия модерна, скептицизм, цинизм и моральный релятивизм постмодерна привели к парадоксальной метамодернистской ситуации. Политическая сфера воспринимается, «как если бы» позитивные изменения были возможны, «даже когда

нам ежедневно напоминают, что человеческая культура на самом деле находится в состоянии беспорядка и, вероятно, даже упадка. Метамодернист не предполагает, что оптимистичное гражданское участие спасёт мир или разрешит индивидуальный

²⁶ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. С. 20.

²⁷ Волощук О.С. Культурно-символические основания поляризации «Свои-Чужие» в информационном пространстве // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2021. № 1. С. 3-13.

²⁸ Там же. С. 10.

кризис. Он лишь считает, что это... не повредит... даёт повод для надежды и возможность избежать отчаяния, и... в редких случаях наше ощущение того, что вред неоспорим или неизбежен, ошибочно... К нарративам можно возвращаться избирательно и непредвзято, когда они помогают спастись от скуки, аномии, отчаяния или моральной и этической лени»²⁹.

С одной стороны, метамодернистское отношение к власти, политическим акторам, процессам и институтам вполне по-постмодернистски является довольно скептическим, а значит, их необходимо разрушать и реформировать. Но это уже не постмодернистское, а метамодернистское, постполитическое и постанархистское, характеризующееся «десакрализацией политической власти... диджитализмом, разрушающим "общество спектакля"... бесцельностью... отсутствием иерархии и плюрализмом... автономиз-

мом... этикой и пацифизмом»³⁰, противостояние [политическим] структурам, а скорее вдумчивый и гражданский интерес к их радикальной переоценке с целью прогрессивных изменений³¹.

Всё, что происходит, является для политических акторов, процессов и институтов не трагедией и наказанием, а новыми вызовами и возможностями. Нет предназначения, отрицания и переписывания истории, нет ничего правильного и неправильного и нет никаких правил, есть искреннее действие и взаимодействие здесь и сейчас. Без каких-либо ожиданий и обещаний, с какими угодно политическими акторами, процессами и институтами – близкими и далёкими, похожими и непохожими, нравственными и безнравственными, прекрасными и безобразными, законопослушными и криминальными, без неоправданной надежды на какие-либо результаты.

В 90-е годы сначала в западном, а затем и в глобальном философско-социокультурном пространстве возникает новое понимание действительности, «духа времени», «культурной логики» и «структуры чувства».

Основанный на критическом осмыслении предшествующего постмодернистского и модернистского опыта метамодернизм проявился как выстраивание новых представлений и подходов.

В данный момент находящаяся на стадии формирования новейшая философско-социокультурная и политическая парадигма в ближайшие десятилетия будет продолжать развиваться, детерминируя западные и незападные политические процессы, которые будут продолжать существенно различаться в зависимости от цивилизационных моделей модернизации, степени вовлечённости и соотношения исследуемых в данной статье парадигм.

Особенности метамодернистского политического дискурса, борьба прежних подходов с новой «культурной логикой» в деятельности политических акторов и институтов оказывают всё большее влияние на современные по-

²⁹ Abramson S. Ten Basic Principles of Metamodernism.

³⁰ Хохлова Д.Д. Переосмысление политики в контексте метамодерна. С. 51.

³¹ Abramson S. Ten Basic Principles of Metamodernism.

литические процессы внутри различных стран и во взаимоотношениях на международной арене. Политическая парадигма метамодернизма постепенно становится одним из наиболее значимых инструментов для понимания данных процессов.

Библиография • References

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2025. – 352 с.
- Вермюлен Т., Аккер Р. ван ден. Заметки о метамодернизме // URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism>
- Волков В.Н. Постмодерн: недоверие к метанарративам // Культурное наследие России. 2015. № 2. С. 3-11.
- Волощук О.С. Культурно-символические основания поляризации «Свои-Чужие» в информационном пространстве // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2021. № 1. С. 3-13.
- Кун Т. Структура научных революций. Москва: Издательство АСТ, 2020. – 320 с.
- Поляков Д.Б. Политическое измерение метамодернизма // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 2. С. 58-66.
- Феофанов К.А. Гиперреалистические смещения – детерминанты искажённой цивилизации // Обозреватель–Observer. 2024. № 1(402). С. 15-28.
- Феофанов К.А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель–Observer. 2023. № 2(397). С. 36-51.
- Феофанов К.А. Цивилизационная теория модернизации. 3-е изд., испр. и перераб. М.: Дашков и Кс, 2021. – 218 с.
- Фукуяма Ф. Конец истории? // Проблемы Восточной Европы. Нью-Йорк, 1989. № 27-28. С. 84-118.
- Хохлова Д.Д. Переосмысление политики в контексте метамодерна // Политика и общество. 2017. № 10. С. 48-58.
- Abramson S. Ten Basic Principles of Metamodernism // URL: https://www.huffpost.com/entry/ten-key-principles-in-met_b_7143202
- Bourriaud N. Altermodern. L.: Tate Publishing, 2009. – 224 p.
- Dempsey B.G. Metamodernism as a Worldview: Period? Episteme? Paradigm? Metameme? What is 'Metamodernism'? // URL: <https://brendangrahamdempsey.substack.com/p/chapter-6-worldview-from-metamodernism>
- Eshelman R. Performatism, or the End of Postmodernism. Pasadena, CA: The Davies Group Publishers, 2008. – 288 p.
- Freinacht H. Exit Multiculturalism, Enter Trans-Culturalism // Metamoderna // URL: <https://metamoderna.org/exit-multiculturalism-enter-trans-culturalism>
- Freinacht H. The Listening Society: A Metamodern Guide to Politics. Book One (Metamodern Guides 1) (English Edition). Marburg: Bьchner-Verlag, Metamoderna, 2017. – 416 p.
- Freinacht H. Nordic Ideology: A Metamodern Guide to Politics. Book Two (Metamodern Guides 2) (English Edition). Marburg: Bьchner-Verlag, Metamoderna, 2019. – 495 p.

- Kirby A.* Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure our Culture. N.Y.; L.: Continuum, 2009. – 282 p.
- Lipovetsky G., Charles S.* Hypermodern Times / Transl. by Andrew Brown. Cambridge: Polity Press, 2005. – 150 p.
- Samuels R.* Auto-Modernity after Postmodernism: Autonomy and Automation in Culture, Technology, and Education // Digital Youth, Innovation, and the Unexpected, ed. T. McPherson. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 219-240.
- Turner L.* The Metamodernist Manifesto // URL: <https://luketurner.com/the-metamodernist-manifesto>

Статья поступила в редакцию 23 мая 2025 г.

Статья принята к публикации 30 мая 2025 г.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

**Просим обратить внимание на изменения требований
к подготовке сопроводительной документации.**

**[https://www.observer-journal.ru/jour/about/
submissions#authorGuidelines](https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines)**